

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ НА ВОЛГЕ

В начале 1750-х гг. Елизавета Петровна получила от французских протестантов предложение по колонизации ими отдельных регионов России. Она поручила Коллегии иностранных дел разработать манифест для их приглашения. В 1752 г. проект манифеста был составлен, но французов он не устроил. Елизавета поручила Сенату доработать документ и рассмотреть возможность приглашения в Россию иностранных ремесленников и земледельцев различных христианских конфессий. Но Семилетняя война отвлекла правительство от этих планов¹.

14 октября 1762 г. Екатерина II разрешила Сенату и Коллегии иностранных дел начать приём иностранцев, желавших поселиться в России. 4 декабря 1762 г. она подписала манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в своё отечество русских людей, бежавших за границу»². Были учреждены должности комиссаров, которые осуществляли набор и отправку колонистов.

Всем желающим переселиться в Россию были обещаны многочисленные льготы. Каждый из колонистов получал от заграничного резидента деньги на проезд и водворение в Россию, колонист имел право выбрать место поселения и род занятий, ему была гарантирована свобода от гражданской службы и рекрутской повинности. Наибольшие льготы давались земледельцам. Они получали земельные наделы по 30 десятин на семью. Каждая семья получала 2 лошади, 1 корову, семена для посева и земледельческие орудия. Для них льготные податные годы составляли 30 лет³.

22 июля 1763 г. Екатерина II создала Канцелярию опекунов иностранных, просуществовавшую до 1782 г. Начавшееся в 1764 г. заселение отведенных под колонизацию земель убедило Канцелярию в необходимости иметь свой орган в Поволжье. 19 мая 1766 г. в Саратове была создана Контора опекунов иностранных. Ключевым звеном в конторской структуре являлось Присутствие, возглавляемое главным судьей или главным присутствующим. Для более тесной связи Конторы с колонистами была учреждена должность окружного комиссара. Утверждение в должности комиссара, как и их увольнение, находилось исключительно в компетенции Канцелярии в Петербурге⁴.

За период с 1763 по 1766 г. в Россию было перевезено около 30 000 чел. Иностранные переселенцы происходили из разных стран Европы:

¹ Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. Автореферат докт. дисс. Саратов, 1998. С. 20.

² ПСЗРИ. Т. 16. № 11720. С. 126 – 127.

³ История российских немцев в документах. М., 1993. С. 18 – 21.

⁴ Немцы-колонисты в Век Екатерины: сборник документов Российского государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье. / Сост. Е. Е. Лыкова, М. И. Осекина. М. Древлехранилище, 2004.

Швейцарии, Франции, Австрийской империи, Голландии, Дании, Швеции и др. Но большинство происходило из германских государств: Гессена, Вюртемберга, Эльзаса, Швабии, Пфальца, Баварии и Саксонии. Поэтому всех иностранных колонистов называли немцами. Обязательным условием их поселения в России было принятие ими присяги на верность Российской империи.

Для большинства колонистов мотивом переезда в Россию была возможность организовать собственное хозяйство. Однако среди колонистов были также лица, задолжавшие крупные суммы денег и стремившиеся укрыться от кредиторов в России. Это вызвало недовольство колонизационными мероприятиями России. Из ряда европейских городов были изгнаны российские комиссары. Другие города стали отказываться предоставлять места для сборных пунктов колонистов. В результате в ноябре 1766 г. в европейских газетах было напечатано заявление о том, что Россия прекратила вызов колонистов. Это успокоило европейскую общественность и дало возможность вывезти уже набранных колонистов в Петербург⁵.

Правом выбирать место жительства колонисты пользовались лишь до осени 1763 г. С осени 1763 г. их стали селить в районе Саратова и Самары. Переезд из Петербурга в Саратов был нелёгким. Из 26 676 колонистов, отправившихся в путь, в дороге умерли 3293 чел. (12,5%)⁶.

На Волге колонистов селили округами, создаваемыми по религиозному принципу. В этом плане колонисты подразделялись на три главные группы: лютеране, католики и реформаты. Наибольшую по численности группу составляли лютеране – более 4000 семей, около 2,5 тыс. семей были католиками и 1250 семей – реформатами. Кроме того, были семьи смешанного вероисповедания⁷.

Русские строили для иностранных колонистов избы-пятистенки на две семьи. Помимо изб возводились сараи, конюшни и амбары. В центре колонии сооружались церковь, школа и другие общественные здания. В 1764 г. силами русских крестьян близлежащих уездов были построены избы только для 50 семей. На следующий год удалось обеспечить жильём 250 семей. В 1766 г. – еще 800 семей. Местные плотники не справлялись с объёмом работ и многие колонисты годами ожидали постройки жилья на частных квартирах в Саратове. Пришлось вербовать строителей в Ростове Великом, Ярославле и Костроме. В результате к концу 1767 г. было построено 3453 избы, в которых разместились 6229 семей. В течение 1768 г. было выстроено еще 998 изб⁸.

Каждая семья получила приблизительно 36,2 – 36,3 десятины удобной для использования земли. Однако земля предоставлялась не в подворную собственность, а в собственность общины. Семья не имела права дарить, наследовать и продавать землю. Эти вопросы решало общество. Всего во владении общин колонистов на начало 70-х гг. XVIII в. находилось 368 084 десятины удобной земли.

⁵ Плева И. Р. Указ. соч. С. 21.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Там же. С. 24.

Подворное землевладение встречалось только у меннонитов. Но они до середины XIX в. селились лишь в Екатеринославской губернии. Только с 1854 г. данцигские, мариенбургские и эльбингские меннониты стали селиться в Самарской губернии, сначала в Новоузенском уезде, а потом и в Самарском, и до 1874 г., когда прибыла их последняя партия, образовали 16 колоний, получив по 15 десятин на душу. Все земли находились обыкновенно в вечно-потомственном владении целой колонии, без права отчуждения в посторонние руки. Распределялись они по угодьям подворно или посемейно, без дробления. Двор переходил в единоличное пользование к одному из сыновей, признанному способным продолжать хозяйство, или к лицу из того же общества, купившему его с аукциона.

Ссуда на организацию хозяйственной жизни выдавалась колонистам деньгами и сельхозинвентарем. Для поселившихся в первые колонии летом и осенью 1764 г. денежная ссуда составляла более 200 руб. на семью. Для сравнения: лошадь стоила 9 руб. Для тех, кто прибыл на Волгу в конце 1764 г. и 1765 – 1766 гг., ссуда на хозяйственные нужды была меньшей, но все равно значительной – 150 руб. С образованием в Саратове Конторы опекунов иностранных ссуда была определена в 100 руб. С мая 1767 г. размер ссуды сократился до 25 руб., а для прибывших в конце августа и сентябре этого года составила только 15 руб. Всего за время поселения, т.е. с 1764 по 1767 гг., колонисты получили денежных ссуд на сумму более 300 тыс. руб.

К этому следует прибавить деньги, израсходованные государством в 1767 – 1768 г. на централизованную закупку инвентаря, необходимого для организации быта и хозяйственной деятельности иностранных поселенцев. Это было вызвано тем, что приезд огромного числа колонистов (в 1767 г. прибыло приблизительно 15 тыс. чел.) привел бы к резкому возрастанию цен на живой и мертвый сельхозинвентарь в районе Саратова.

С прибытием в Саратов, а затем в колонию каждый колонист продолжал получать кормовые (суточные) деньги из расчета 15 коп. в день на мужчину, 10 коп. на женщину, на детей от 2 до 15 лет – по 6 коп., менее двух лет – 2 коп. до первого урожая.

Таким образом, иностранным колонистам была оказана государством беспрецедентная помощь в организации хозяйственной деятельности. Каждая семья получила возможность начать жизнь на новом месте при финансовой поддержке государства. Несмотря на все это хозяйственные результаты первых лет жизни колонистов на Волге были весьма неудовлетворительными. Причин было несколько.

Во-первых, причиной тяжелого экономического положения переселенцев из Центральной Европы была непривычность климата целинных волжских степей. У колонистов еще не были наработаны агротехнические приемы ведения сельского хозяйства в условиях степного Поволжья. Выращивание зерновых стало доходным только после многих лет неудачных опытов.

Во-вторых, на общей ситуации в колониях отрицательно сказывалось наличие большого процента некрестьянского населения. Поселенные на волжских землях бывшие ремесленники, доля которых доходила до

40%, не сразу могли освоить крестьянский труд. Были и такие, которые считали, что их обманули и принципиально игнорировали требования властей пахать землю. Ничего не делая, они продолжали получать от государства кормовые, что разлагающе действовало на остальных.

Экономическое положение колонистов еще более усугубилось в 1774 г., когда их поселения подверглись нападению повстанцев Емельяна Пугачева и местных кочевников – киргиз-кайсаков. Летом 1774 г. восставшим удалось захватить Саратов. Пугачевцы прошли через все колонии южной группы левобережья. Их путь был отмечен грабежами и убийствами.

Потери отдельных семей не поддаются учету. Только денежные потери Конторы составили около 38 тыс. руб. Из саратовских продовольственных складов и магазинов Конторы было разворовано ржаной муки и овса на 43 255 руб. В четырех магазинах Правобережья, где концентрировался колонистский хлеб, было похищено муки и другого продовольствия на 21 901 руб., и почти столько же в магазинах Левобережья.

Во время восстания Пугачева активизировались кочевники на луговой стороне. Воспользовавшись тем, что все правительственные силы были брошены на преследование и разгром Пугачева, кочевники напали на 9 колоний, расположенных по реке Караман, а также на самые южные колонии Левобережья. Они угоняли скот, убивали и уводили в плен колонистов. В результате двух нападений всего числились убитыми, захваченными в плен и пропавшими без вести 438 чел.

После разгрома основных сил Пугачева правительство приняло ряд мер по охране немецких колонистов. В ряде колоний Левобережья были размещены армейские отряды. Прилагались усилия по возвращению из плена колонистов. Решительные действия властей остановили кочевников. Войские части стояли в колониях до тех пор, пока не были заменены впоследствии линией казачьих военных поселений от Оренбурга до Астрахани.

Большое значение для хозяйственного оздоровления колоний имело разрешение лицам, не желавшим заниматься земледелием, селиться в городах. К 1782 г. выехавшие из колоний лица проживали в 23 русских городах⁹.

К концу XVIII в. немецкие колонисты освоились, привыкли к местным условиям. Основой их хозяйственной деятельности стало выращивание пшеницы. В 1797 г. было произведено в колониях около 1500 т. пшеницы, что составило 36% от сбора всех зерновых культур. Объемы и качество выращиваемой пшеницы позволили сделать ее основной статьей товарного производства большинства колонистских хозяйств.

Второй после пшеницы культурой, возделываемой колонистами на продажу, было просо. Высокоурожайная, отличного качества, эта культура была наиболее дорогостоящей и становилась важным элементом товарного производства. Для внутреннего потребления выращивались рожь, картофель, ячмень и горох.

Значительные посевные площади, как в Левобережье, так и в Правобережье отводились под овес. Он шел на прокорм лошадей, поголовье которых в колониях в последнее десятилетие XVIII в. возросло в четыре с

⁹ Плева И. Р. Указ. соч. С. 30.

лишним раз и насчитывало 32,5 тыс. голов. Одним из важных показателей возросшего благосостояния колонистов было наличие в хозяйствах коров и овец. В среднем на одно хозяйство приходилось 7 – 9 коров. При поселении у колонистов практически не было свиней. К концу века насчитывалось уже около 30 тыс. свиней. Таким образом, к концу XVIII в. колонисты не только обеспечивали себя полностью продуктами, но и производили продукцию на продажу.

Среди технических культур особое внимание стало уделяться выращиванию табака, которое получило быстрое распространение в 26 колониях вокруг Екатериненштадта. Другим, несколько экзотичным направлением хозяйственной деятельности колонистов в 70 – 80 гг. XVIII в. стало разведение тутовых деревьев или, как их тогда называли, шелковицы. Но разведение ее так и не прижилось в поволжских колониях.

Ремесленное производство стало развиваться в колониях со второй половины 1770-х гг. В этом отношении особого внимания заслуживает Сарепта. Она находилась в 410 км к югу от Саратова, то есть на большом удалении от основной группы колоний. В ней поселились табориты, последователи Яна Гуса, изгнанные из Чехии (Богемии) и Моравии. Являясь прекрасными мастерами, сарептяне привезли с собой навыки разнообразных ремесел и создали из небольшой колонии довольно крупный промышленный центр Нижнего Поволжья. Из Сарепты по всему региону распространилось впоследствии ткацкое и табачное производства. Первые в Поволжье свечной и мыльный заводы были сарептскими. А производившаяся здесь горчица вскоре стала известна всей стране.

К концу XVIII в. крупным центром ремесленного производства стала колония Екатериненштадт. В 1798 г. из 142 семей 48 занимались различным ремесленным производством. В колонии имелись три ветряных и одна водяная мельницы, кирпичный завод и кожевенная фабрика. Каждую неделю организовывались торги.

Административная реформа в России затронула и опекунские учреждения. По высочайшему указу 20 апреля 1782 г. прекратили свою деятельность Канцелярия опекунства иностранных и ее Контора в Саратове. Управлять колонистами стали губернские директора экономии. Задачей чиновников было не жесткое регламентирование и контроль за всеми сторонами жизни поселенцев, а доведение до их сведения распоряжений директора экономии и сбор различных статистических данных по колониям. Самоуправление в колониях по-настоящему заработало только с ликвидацией опекунских учреждений.

31 декабря 1796 г. должность директора экономии в губерниях России была упразднена. 4 марта 1797 г. Павел I издал указ о подчинении всех колоний вновь учрежденной «Экспедиции государственного хозяйства опекунства иностранных и сельского домоводства». Еще одной причиной восстановления опекунских учреждений стала начавшаяся подготовка к приему новых групп переселенцев из Европы.

Важным элементом жизни в колониях на Волге во второй половине XVIII в. стала церковь, которая находилась под полным контролем Канце-

лярии опекунства иностранных и ее Конторы в Саратове до 1782 г., а позже – под контролем губернских властей, являясь одним из элементов социальных отношений и управления колониями. Инструкции государственных органов управления жестко фиксировали обязанности колонистов перед церковью. Они были обязаны повиноваться закону «своей церкви», посещать молитвы во все воскресенья и праздничные дни, слушать поучения своих пастырей и т. д. К концу XVIII в. в колониях действовало 59 лютеранских, 33 католических и 23 реформатских церквей. Трудно понять, зачем в православной стране её чиновники так заботились о процветании неправославных конфессий.

Неотъемлемой частью духовной жизни немецких колоний была школа. По своему характеру эта школа была конфессиональной (церковной). Школа создавалась не для получения общего образования, а для достойного проведения конфирмации, которую проходили девочки и мальчики в 14 лет. С 7 до 14 лет они должны были посещать школу для усвоения основ религиозного учения. Духовенство было призвано стать главным воспитателем молодого поколения колонистов.

По Закону 1871 г. поволжские немцы были уравнены в правах с остальным крестьянским населением России. Немецкие крестьяне переводились под общее российское управление и получали статус поселян-собственников, точно такой же, что был у русских крестьян после их освобождения от крепостного права. Всё делопроизводство в немецких селениях переводилось на русский язык. На колонистов распространилась всеобщая воинская повинность. Колонистам предоставлялось право в течение 10 лет покинуть Россию, если новое положение их не будет устраивать.

Немецкие колонисты разом были поставлены в непривычные условия. Надо было отвыкать от своей исключительности и привилегированности, учиться жить и трудиться в условиях действия универсальных законов, единых для всех. Надо было осваивать русский язык, как государственный, приобретать навыки общения со своими соседями других национальностей, надо было интегрироваться в ту общественную систему, которая существовала раньше как бы за пределами колонистской жизни, а теперь вобрала колонистов в себя. Для отстаивания своих интересов теперь надо было активно внедряться в систему местного земского самоуправления, находить там своё место. Отстаивая свои интересы, надо было учитывать интересы соседей.

Сложившаяся с конца XVIII в. система запасных магазинов, которыми руководила Контора, позволяла колонистам особо не задумываться о своем положении на случай неурожая. С ликвидацией конторы большинство колонистов оказались неподготовленными к созданию собственных запасов продовольствия и неурожаи начала 70-х XIX в. привели к обеднению значительной их части.

Реакция немцев не заставила себя ждать. Колонисты направили уполномоченных в США в надежде, что американское правительство выделит им средства на переезд и обустройство хозяйством. Но эти расчеты оказались тщетными. В переезде в Америку пришлось полагаться только

на собственные средства и возможности. Это не остановило часть колонистов от немедленной эмиграции.

22 мая 1874 г. 37 чел. из колонии Песковатка подали прошение на выезд в Америку, а 30 мая еще 10 чел. из этой же колонии подали подобное заявление. Вслед за ними прошение на выезд из России подали жители колоний Голый Карамыш, Поповка, Усть-Залиха, Норка и некоторых других. Эмиграционные настроения стали принимать массовый характер¹⁰.

За 1874 – 1875 гг. только из колоний Саратовской губернии выехало более 400 чел.¹¹ Главным препятствием для более массовой эмиграции для большинства колонистов стала нехватка средств. Поволжские колонисты в отличие от колонистов Новороссии не могли продавать свою землю. Она принадлежала общине. При отъезде немцы могли продать только дом и движимое имущество. Некоторые колонисты уезжали на свой страх и риск, рассчитывая в дороге заработать недостающую сумму. На проезд до границ Российской империи денег им хватало, а для дальнейшего путешествия они искали заработки на территории Пруссии. Не найдя там работы, поволжские немцы требовали от правительства этой страны выделения средств на переезд в Америку.

Некоторые колонисты получали американское гражданство не для выезда в США, а для получения привилегий в России. Саратовский губернатор Галкин-Враский был взбешен, когда в 1876 г. получил информацию о том, что эмигрировавшие в 1875 г. немцы, получив американское гражданство, вернулись в свои русские колонии. Они продолжали вести оставленное год назад хозяйство, не платя полагаемых для граждан России налогов и освободив себя от военной службы. Эта категория бывших колонистов была немедленно выслана за пределы страны¹².

Тем временем желание уехать из России охватило многих колонистов. Нехватка средств для выезда в США заставила колонистов искать другие пути. Два молодых человека, подлежавших призыву в армию, обратились к правительству Бразилии с просьбой принять колонистов из России на тех же условиях, что и Екатерина II.

Бразильский посланник, барон фон Александер, ответил, что правительство Бразилии готово принять их в свою страну и предложил направить четырех депутатов, которые за счет бразильского правительства съезжают и знакомятся с ситуацией на месте. Это вызвало большое волнение, особенно среди католиков, которые изъявили желание целыми селами переселиться в Южную Америку.

20 мая 1876 г. в колонии Голый Карамыш состоялось собрание делегатов от 30 тыс., преимущественно бедной части колонистов Саратовской и Самарской губерний, желавших эмигрировать. После обсуждения письма Бразильского правительства, было выбрано пять депутатов, на дорогу которым было собрано 800 руб. Перед ними были поставлены задачи: договориться о доставке переселенцев за океан за счет бразильского правительства,

¹⁰ Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – 3-е изд. М.: МСНК, 2008.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

получить от него пособие для обустройства на новом месте и уговорить бразильское правительство выкупить движимое имущество немцев-колонистов.

После отправки депутатов, многие колонисты, надеясь на щедрость бразильского правительства, прекратили работать на земле, а некоторые стали распродавать свое имущество. На 1876 г. в Норке желали выехать 4000 чел., в Каменке – 6690¹³.

Осенью 1876 г. по колониям стал распространяться 216-й номер газеты «Германия», где говорилось о принятом сенатом Аргентины законе, на основании которого правительство брало на себя путевые издержки переселенцев из Европы и предоставляло им семена для посева, много земли и освобождение от налогов на 6 лет.

В 1879 г. на Волгу стали возвращаться из Бразилии сотни изнемождённых поволжских немцев. Непривычные климатические условия, разорение и голод заставили их вернуться домой. Хотя в соответствии с российским законодательством прием оставивших русское подданство был запрещен, власти селили их в села, где они жили раньше. Эмиграция немецких колонистов из России продолжалась до начала Первой мировой войны.

¹³ Там же.